

ХОРОВОДЫ

(повесть)

Дочерям Сашеньке и Лерочке

Давно это было. А где да когда – про то и летописи забыли. Однако же слышали люди, что было то совсем недавно не то в Поморье, не то в Полесье, да говорили еще прохожие, что вернее всего – в рязанском редколесье. А помнится старикам, что не было того и вовсе. Иные ж утверждают – было, но совсем не так. Я что-то утверждать резона не имею вовсе. Однако ж, слушайте, начну – вам расскажу, что знаю сам как правду.

1

Ни мал, как говорили в старину, ни велик, а, скорее очень мал, чем просто велик, раскинулся затерянный среди бескрайних российских просторов старинный одноэтажный городок. Тихий и красивый, спокойный и уютный, такой, как будто только-только сошел с холста выставки художников-передвижников. Так же тихо и уютно жили в нем люди. Каким числом? А кто же их считал! Последняя перепись населения по причине великой бескрайности российской до них так и не дошла, сгинула по дороге. Самих же горожан обстоятельство собственной непереписанности и непересчитанности несколько не угнетало, ибо были они, в отличие от соседних обитателей здешних мест, люди нрава легкого и незлобивого, жили весело и непринужденно, как говорится – на славу потомкам, да на зависть врагам. Одно только известно нам наверняка, что жили в том городке супруги Митя и Наташа, а с ними их дети: Машенька – трех с половиной, да Катенька – шести лет.

Супружество Мити и Наташи было тихим и счастливым в своей повседневной безмятежности. Совместная их жизнь протекала так же размеренно и неторопливо, как течет в здешних краях время, как течет кухонный кран, давно не видевший рук сантехника, как несет свои зеленые воды неторопливая речка Неклюжа, прозванная местными жителями Неуклюжей, на берегу которой и раскинулся мирно тихий городок.

Каждый из супругов был счастлив по-своему. Совсем неважно, как и почему. И так же по-своему каждый из них радовался за себя и за другого. Радовался, находя приятными в поведении или внешности своего супруга какие-то едва различимые, но такие милые сердцу и так тонко подмеченные штрихи человеческой натуры, на которые едва ли кто-нибудь посторонний обратит внимание. Это обстоятельство добавляло обоим гордости, как за свою собственную проницательность, так и за не кем-нибудь подмеченные достоинства спутника жизни.

Так, в тихом и бесконечном любовании им или ей и, как в зеркале собою в нем или в ней, проходили дни, текли недели, шли месяцы и годы, маленькими ручейками вливаясь в большой и стремительный поток жизни.

Наташа работала кладовщицей (или как говорили в этих местах – складчицей) готовой продукции обувного цеха местной фабрики резиновых изделий. Нетрудно догадаться, что кроме резиновых сапог и галош самых невероятных фасонов и размеров, другой обуви фабрика никогда не производила.

Работу свою Наташа любила и подходила к ней творчески, считая ее важной и необходимой. Каждый контейнер, каждый стеллаж с готовой продукцией заботливые Наташины руки снабдили красочной картонной писаной по трафарету биркой с указанием наименования изделия, фасона, размера, номера партии, даты освоения заводом изготовления данной модели, прослеживаемой от времен «тушинского вора», и прочей придуманной чиновниками ради забавы, наверное, чепухи, интересной разве что сторожевой собаке Шайбе, да какому-нибудь заблудившемуся иностранному студенту, исследователю русской старины.

Наташа, так же впрочем, как и все горожане, в большинстве своем работавшие на фабрике, несмотря на характер своей работы, требующей строгого учета и подсчета, а может быть именно из-за этого, не любила статистику, считая, что ее холодные и безапелляционные, убийственно конкретные цифры не могут нести человеку ничего, кроме страданий и горя. Именно эти подлые и бездушные статистические сводки были единственным, что нет-нет, да и омрачало безоблачное Наташино существование. Ведь стоит вам только вдуматься, стоит только хоть чуть-чуть включить свое воображение, ну хоть на минутку проявить государственное мышление, и вас непременно должен охватить ужас! Как же несчастны, должно быть в своей массе люди, окруженные повсеместно слякотной действительностью, и как хорошо, что есть Наташин городок, есть такая нужная Наташина фабрика, и есть в конце концов Наташа, которая помогает десяткам миллионов людей (статистика – вещь суровая) спастись от ураганных штормов, проливных дождей, наводнений, грозы и потоков грязи, что охватили, вероятно, целые регионы и страны, нуждающиеся в скромном Наташином труде, и пожалуй даже не догадывающиеся о существовании Наташиной фабрики и уж тем более не подозревающие о существовании Наташи. Наташа боялась даже подумать о том, что могло бы случиться, остановись вдруг ее фабрика. Но не стоит беспокоиться. Фабрика, несмотря ни на какие мировые катаклизмы, обвалы на нефтяных и фондовых биржах, смену государственных и экономических формаций работала исправно, регулярно отгружая неведомым и далеким нуждающимся людям с волнующим названием «потребитель» вагоны глянцево-блестящей продукции. Наташа часто не без гордости за мудрость далеких предков думала: «Как хорошо и правильно, что фабрику поставили именно здесь, в сухом, высоком и солнечном месте. Вон ведь как – кругом все тонет, а мы стоим, работаем, отгружаем. Иначе как же? Иначе – куда же столько сапог?»

Митя работал маленьким клерком с маленькой зарплатой в таком же маленьком, как их город и Митина зарплата учреждении. Для чего оно было учреждено, и чем в нем надлежало заниматься, никто давно не помнил. Но это, в общем-то, никого и не беспокоило, так как деятельность Митинового учреждения никак не отражалось ни на жизни города, ни на его бюджете. Ни в лучшую, но и ни в худшую сторону.

Единственным, достойным упоминания в этом учреждении было то, что в нем имелось два (целых два!) компьютера. И на одном из них работал Митя. Объяснялось это опять же не значимостью Митиной должности, а тем, что кроме Мити в учреждении компьютерно-грамотных сотрудников не было. Митя не был бы исключением из общего правила, если бы не провидение.

Как-то, года два назад, в Митину контору по факсу пришла разнарядка из области. Разнарядка гласила: «В срок до... направить в распоряжение... одного сотрудника... для прохождения курса... освоения базового уровня... пользователей ПЭВМ... инновационных технологий...». Что за дьявольщина такая – факс, никто из конторцев твердо в ту пору не знал. Наверняка знали одно. Единственный в городе факс («стратегическая вещь!») стоял за тремя печатями в потаенном шкафу в кабинете военкома Михаила Лукича. А раз так, то ничем, кроме военной мобилизации, подстроенной хитрыми генералами таким коварным способом, поездка в область обернуться не могла. Да еще и текст. «Эва! Дураков нашли, – деловито рассуждали учрежденцы, – они-то хитры, стратеги, но и мы не глупее. Курс молодого бойца от курса доллара отличить сумеем, как бы они там, задницы, не маскировали свои милитаристские помыслы, туды их в зарницу».

На том конторцы и порешили. Отправили осваивать «базовый уровень» Митю. Парень, мол, молодой, едва за четверть века перешагнул, выдержит. Да и должок за ним Родине числится. Любовь-то любовью, дети детьми (Машенька полутора, да Катенька четырех лет). А послужить Отчизне, как ни вертись, придется. Собрали, проводили. Дали наказ служить честно, врагов не бояться, пулям не кланяться, славу отцов и дедов не срамить. Наташа поплакала-поплакала, да отпустила, благославя.

А через два месяца Митя вернулся. Хоть без орденов и званий, зато живой и здоровый и назывался теперь, (документ показывал – факт неопровержимый) «специалист базового уровня по эксплуатации персональных электронных вычислительных машин». Да в придачу привез с собой эти самые два компьютера – область выделила в порядке «Программы освоения и внедрения инновационных технологий для периферийных районов центральной глиноземно-нечернозёмной зоны».

Без неуместных здесь раздумий к первому персональному чуду, приставили работать Митю. Второй компьютер водрузили в кабинете начальника, на самом почетном месте – в красном углу, аккуратно под портретом руководителя области товарища «господина Сгущенкина». Работать с ним приходилось исключительно уборщице тете Саше (не тете Шуру, а именно так – тете Саше, на «тетю Шуру» сильно обижалась), регулярно вытиравшей с него пыль. Но говорить об этом кому-нибудь из сотрудников категорически, под

страхом участия в еженедельном всепогодном городском Дне Бегуна, возбранялось. Митин начальник Макар Силыч, несмотря на свой тщательно скрываемый, но совершенно для всех очевидный дремучий возраст, всячески поддерживал имидж современного руководителя и в редкие дни посещения учреждения областным или высоким столичным начальством, для Мити в виде необходимости делалось исключение в доступе к компьютеру шефа. В такие дни с утра он по команде тети Саши, подаваемой характерным едва заметным, где-то даже заговорщическим движением швабры, ненадолго нырял в кабинет начальника и несколько минут колдовал над клавиатурой умной машины, после чего, тихо и незаметно возвращался на свое рабочее место.

Любое посещение заезжим начальством учреждения неизменно сопровождалось деловой экскурсией в кабинет Митино начальника, где он, умело используя тему беседы, легко и непринужденно, нажимал единственную известную ему клавишу компьютера, старательно вдолбленную в человеческую память многократными Митиными наставлениями. Затем он, обращая попеременно то к компьютеру, то к гостям, выдавал «на-гора» какие-то бесчисленные цифры и данные, чем неизменно повергал собеседников в изумление, вызванное не столько самим этим фактом, сколько тем, что этот факт никак не сочетался с унылым пейзажем уездного захолустья, царившим в городке повсюду и возрастом шефа. Поговаривали даже, что после каждой такой экскурсии кто-нибудь из заезжих, прослезившись и расчувствовавшись неизменно начинал хлопотать о переводе Митино начальника на повышение в область, а то и в столицу, но вскоре, наткнувшись на каменную преграду в виде окаменевшего от времени диплома местного кустарно-промыслового техникума, с небывалым постоянством воспринимавшегося чиновничьей братией, как дикий анахронизм и, к тому же, полученного Макаром Силычем при загадочных, до конца не выясненных обстоятельствах в невероятно далекие и оттого невероятно смутные времена, доброхот потихоньку остывал.

Наверняка, в этом городке до начала нашей истории было еще что-либо, заслуживающее внимание, да я за давностью забыл об этом.

Шло время, стоял город, текла река, работала фабрика, функционировало учреждение. Где-то среди всего этого многообразия, жили Митя с Наташей, однако, забегаю вперед, скажем, что речь дальше пойдет не только о них, да и, пожалуй, не столько о них. О чем же? Да сами скоро узнаете.

2

Апрельское утро нагло постучало в окно зазывной рекламой, прокричавшей из кабины протарахтевшего мимо ЗИЛка: «Каждый, кто пришлет пять оберток мороженого... – ЗИЛок с лязгом тряхнуло на ухабе и название мороженого растворилось в морозной утренней дымке, – ...получит шестую бесплатно».

Митя не спеша свесил ноги с дедовской перины и в задумчивости поскреб затылок.

– Ната-аш, а Наташ? – мечтательно протянул он. – Представляешь, сон приснился, будто попал я на телевизионный конкурс, а там призы мороженым дают, да таким вкусным, только вот название что-то запомнил. Чудной конкурс: мороженое съешь, а бумажки зачем-то обратно надо сдать.

– Ну-у! А что за конкурс-то? – Весело и притворно заинтересованно донеслось из-за кухонной занавески.

– Да викторина какая-то. Вот! Вопрос вспомнил. В каком-де году в Англии всех волков истребили? Не знаешь? В девятьсот девяносто шестом. Точно... А еще вопрос был – в честь какого события в Киеве воздвигли в девятьсот девяносто восьмом году храм Пресвятой ико...?

– В честь двухлетия истребления волков в Англии! – Наташин смешливый голос оборвал экскурсию в Митин сон на полуслове. – Дурень же ты у меня, Митюша! Колька Переборкин на своем ЗИЛке у нас под окнами грязь спозаранку месил, да транзистор до хрипа гонял. Вот тебе и вся викторина... Мить, а мороженое, правда, говоришь, вкусное было? – Вдруг мечтательно произнесла Наташа.

– А ты у Кольки спроси. – Обиделся Митя.

– Ладно тебе, умывайся, да иди завтракать. На работу опоздаешь.

Про завтрак было сказано так, к слову. Митя не имел привычки завтракать.

Из детской комнаты показалась Катенька с не по времени сосредоточенным лицом. Она любила поспать утром и раньше времени без причины не вставала с постели.

– Пап, помнишь, когда еще была зима, мы ходили к тебе на работу, и ты мне показывал свой компьютер?

– Да, Катенька, помню, ходили.

Занятый сборами на работу и поглощенный предстоящими будничными хлопотами, Митя едва обратил внимание на слова дочери.

– А помнишь, у тебя в компьютере фотографии были?

– Конечно, помню.

– А они все настоящие?

– Да, все настоящие.

Митя вспомнил, что Катеньке понравилась на экранной заставке монитора серия слайдов с фотографиями какой-то природы и чем-то еще, на что Митя, как человек взрослый и преимущественно рациональный, не обратил внимания за ненужностью.

– Поня-ятно. – Разочарованно и скептически глядя на отца, сделав перед этим небольшую паузу, протянула Катенька, и, повернувшись уходить, буркнула себе под нос. – Ну-ну, и летающие тарелки тоже.

Постигнув суть вопроса, Митя застыл в изумлении, глядя на своего ребенка и находя в нем что-то новое, ранее неведомое для себя, с удивлением понимая, что его старшая дочь уже давно выросла из тряпочно-колясочного возраста.

«Как неумолимо быстро летит время, как стремительно взрослеют дети, надо серьезно над этим задуматься», – возвращаясь на рельсы рационализма, подумал Митя.

Одновременно с этим, их жилье наполнилось звонким Наташиным смехом, которая от души по-матерински радовалась рассудительности дочери и вместе с тем, забавлялась комичностью ситуации, возникшей из незначительного для взрослого человека эпизода спустя долгие дни детских размышлений.

В то памятное утро дорога Мити на работу растянулась, как обычно, в семь одинаковых минут, протекая сперва, по камышовому берегу Неклюжи, потом по старинному железному мосту через протоку реки и дальше по крутому брусчатому подъему улицы имени Красных Комиссаров, ловко переименованной горожанами в улицу «Пьяных матросов», а затем, почти описав пыльный круг по главной городской площади имени какого-то далекого съезда партии, заканчивалась в массивной подворотне бывшего купеческого дома, на задворках которого, и стоял просторный двухэтажный флигель Митиногo учреждения.

Сегодня этот путь не казался Мите, как обычно, томительно-однообразным. Всю недолгую дорогу к месту трудовой деятельности природа радовала его своим решительным пробуждением. Настроение от этого было бодрое и даже озорное. Звенела капель, пели воробьи на проводах, пел Митя. Где-то далеко за морем пел беззаботный Брайан Ферри. Этим солнечным утром казалось, что поют даже цепные псы и матрасные клопы... Но это только казалось Мите.

Войдя в здание своего учреждения, Митя сразу осознал, что несколько заблуждался насчет лирического единения мира. Наклон тетисашиной швабры был так же красноречив, как жест регулировщика. Но сегодня в нем не было ничего загадочно-заговорщического – одна суровая жизненная проза, продиктованная какой-то, вероятно, не менее суровой необходимостью.

Добредя до кабинета начальника, Митя на всякий случай, огорченно вздохнул и постучал. Ответа не последовало, и Митя шагнул в кабинет.

Увидев его, Макар Силыч нетерпеливо замахал руками со своего руководящего места, уставив на Митю выпученные по-рачьи глаза. Он учащенно дышал, одутловатое лицо его было необычайно красным, покрытым крупными каплями пота, которые он, то и дело, аккуратно смахивал носовым платком. Ворот рубашки расстегнут, галстук съехал на бок. Рабочий стол шефа был чист. На нем лежал только один лист бумаги, при взгляде на который, Макар Силыч каждый раз судорожно вздрагивал, делая гадливое выражение лица.

По внешнему виду бумаги Митя догадался – «факс».

– Факс, факс... Посыльный от Лукича спозаранку притащил. – Поймав Митин взгляд, не то плача, не то смеясь, пробулькал-прокаркал Макар Силыч, не здороваясь и не приглашая пройти к столу.

Митя понял, что церемонии сегодня излишни и, так же не здороваясь и не спрашивая разрешения, подсел к столу начальника, вопросительно глядя на него.

– Дмитрий!... Митя-а-а... У меня все просто валится из рук. – Начал тот после небольшой паузы. – Я не знаю, к кому еще можно обратиться, – затынул босс, – ты должен мне помочь... ты должен всем нам помочь, ведь ты же в институте учился, ты же по компьютеру заканчивал, – уважительно боднул он в сторону угла с вычислительной машиной, одновременно протянув Мите злосчастный листок, – сам должен понимать – катастрофа грядет! Разве нормальную бумагу станут через этот факс присылать? Для нормальных бумаг почта имеется, чтоб ему сгинуть в пучине моря... Погибаем! – Подвел шеф итог своей бессвязной речи истерично-хриплым клекотанием.

Бумага была из области. Циркуляр.

В ней предлагалось областным, районным и прочим руководителям всех уровней и рангов повсеместно развернуть капиталистическое соревнование в ознаменование «десятилетия публичного сжигания товарищем «господином Сгущенкиным» партийного билета и выхода из ЦК».

Коллектив – победитель капсоревнования, награждался переходящим синим знаменем, а победитель в личном первенстве – персональным синим вымпелом, малиновым отрезом на пиджак и бесплатной пятидневной путевкой на Канары на виллу товарища «господина Сгущенкина». (Звучало красиво, несмотря на туманность в понимании слов «канары» и «вилла»).

Конечно же, у Мити не было и тени сомнения, что ни у него самого, ни у Макара Силыча, ни у их учреждения не имелось ни малейшего шанса в честной конкурентной борьбе получить переходящий малиновый пиджак. Это было немного грустно, но не пугало. Страшное было ниже.

Предприятие, а равно учреждение, имеющее наихудшие по итогам капсоревнования показатели, подлежало немедленной ликвидации-реорганизации, как не соответствующее реалиям времени.

Плакать было от чего. Не только Митя, но и каждый из сорока четырех конторцев, включая тетю Сашу, ни на секунду не сомневался, что последнее место в этом марафоне прочно и насовсем укрепитя за ними со всем набором вытекающих последствий.

Прервемся ненадолго, ибо здесь, уважаемый читатель, я должен извиниться перед тобой за то, что далее не последует захватывающего и увлекательного рассказа о том, как хитроумный Митя блестяще выпутался из головоломной ситуации, спас свое рабочее место и много других таких же мест, спас своего уважаемого начальника и само будущее своего учреждения. Ничего этого в рассказанной мной истории не будет. Не будет потому, что я дал себе слово писать только правду, и намерен придерживаться данного слова до конца. Правда же была такова, что Митя свое учреждение не спас. Да, не спас. И в этом не было его вины, потому что у Митиногo учреждения действительно и совершенно очевидно для всех жителей городка, вне зависимости от моего или вашего желания не было и не могло оказаться никакого будущего.

Гонка завершилась. В области подвели итог. Вымпела конторцы конечно же не добыли, что такое «канары» и «вилла» так и не узнали и, как и должно было случиться, соревнование, прозванное начитанным Митей «избиением младенцев», с треском проиграли.

Если говорить честно, с избиением в душе согласны были все, а вот младенцы как-то не понравились. Но возражать никому не хотелось. Потом с ними даже свыклись и конторцы пронесли трогательную младенческую надежду на лучшее через всю жестокую процедуру ликвидации учреждения. До самого последнего дня. До самой последней минуты.

Однако же чуда не произошло. В известный день в известное время в одночасье рухнули сорок четыре светлые надежды, и тихий городок пополнился сорока четырьмя безработными душами. Впрочем, ненадолго...

3

Минуло девять долгих дней с той мрачной даты, когда Митино учреждение из настоящего стало прошлым городка. На дворе стояло великолепное июньское утро. Такое же солнечное и яркое, как и многие другие в этих местах в эту пору. Митя сидел дома у окна и пытался вызвать к жизни разбитые неутомимыми Катенькиными ногами сандалии. Красота окружающего мира никак не отражалась сегодня на его душевном состоянии и, поэтому, ничуть не могла согнать тоскливое выражение с его всегда жизнерадостного лица.

Наташа отвела детей в сад и убежала на фабрику. От этого на душе делалось еще тоскливей, а в голове пчелиным роем кружились мысли о собственной ненужности, закате жизни и прочая интеллектуальная ерунда, которая обычно посещает неглупого человека, не по своей воле лишившегося привычного способа существования в жизни.

– Гха-кхой!... Цьхи!!! – Громко раздалось за окном и в форточке показались большие красные щеки Макар Силыча. – Здравствуй, Митя,... я тут шел мимо,... гляжу – сидишь... зайду, что ли?

– Заходи, Макар Силыч.

На мгновение просветлев во взгляде, боднул Митя в сторону двери, не прекращая занятия.

– Шел я, говорю... мимо... – Макар Силыч, отличавшийся от окружающих не только туманным прошлым, но и размером одежды, боком, пригнувшись и сопя протиснулся в дверь, – а тут, вижу... сидишь...

Бывший начальник остановился посреди комнаты и принялся неловко топтаться на месте, непрерывно теребя руками свою шляпу, словно таможенник, уверенный в том, что находится в одном шаге от обнаружения контрабанды.

– А ведь не мимо шел! – Поднял Митя на шефа просветлевшее смеющееся лицо. Одновременно с этим сандалии полетели в угол. –

выкладывай, Макар Силыч, какой такой путеводитель завел тебя в наши края. По делу ведь?

– Известно, по делу. – С облегчением вздохнул шеф.

– Тогда садись и давай по порядку. – Вернулся Митя в привычное состояние.

– Ну, слушай... Не успели нас разогнать, – неторопливо начал шеф, – сижу на даче, радуюсь заслуженному отдыху, – пошутил он невесело, – звонят из приемной Кузьмы Андреича, главы, то есть нашего, сам понимаешь... просят зайти на прием. Время назначили. Как не зайти, думаю. Хорошо, что вспомнили. Я ведь еще ой как много могу. С пионерами там встретиться или как их сейчас... скалуты. Опытом поделиться, рассказать, как Родину отстояли, как целину поднимали, как... – тут Макар Силыч запнулся, – ну, в общем многое чего можно рассказать. Захожу, вчера дело было, встретили хорошо, провели в кабинет...

– Ближе к делу, Макар Силыч, смакованию приятных минут потом будем предаваться.

– Так я и говорю, Митрий! Хватит бездельничать, собирай наших – будем народный коллектив создавать, хор то есть. Петь будем! Культуру возрождать будем! – обрушил на Митину голову шеф, вернувшись к привычным интонациям.

4

– Ты чего, дядя Макар, на солнце перегрелся? – Спросил Митя после долгой паузы.

– Будет тебе! – Обиделся Макар Силыч. – Старого человека на смех поднимать. Кузьма Андреич так и сказал – в хоровом творчестве культурное будущее и слава нашего района и тебе, говорит, заслуженному человеку, ее создавать. – Патетически закончил он.

– Это откуда ж такое веяние? Сам что ли голова додумался? – Слегка озадаченно спросил Митя, быстро представив себе Кузьму Андреича, живость ума которого, была сравнима с коллективным чувством юмора артистов театра Евгения Петросяна.

– Сам, сам! В долгих раздумьях, говорит, пребывал. Ночи напролет размышлял. Очень обеспокоен был общим состоянием культуры.

«Эпидемия что ли культурная на наши края нашла?» – подумал Митя.

Колька Переборкин вернулся вчера из рейса из заречья, из соседнего Нелюдимовского района. Вечером заходил, рассказывал – тоже хор создают. Слышал, что будет у соседей скоро не то хор милиционеров, не то хор браконьеров. Хотя, по нынешним временам, какая разница. Видать, к нелюдимовцам эта зараза из Костоглодовского района пришла. Больше неоткуда. Вечно нелюдимовские на «мослогрызов» равняются, в глупости с ними соревнуются.

Затеяли костоглодовские музей – «угрюмым» тоже лавку древностей подавай. Да еще какую! Всех решили масштабом затмить. Но в любом начинании, как известно, мера хороша, а меры нелюдимовцы не знали никогда не только в «веселости» нрава. От этой особенности их темперамента, наверное, и все их трудности происходили. Вот и здесь с полной серьезностью к делу подошли. Все чердаки да подвалы, все помойки и свалки в районе обшарили, хлама натащили – будь здоров! Сами удивились такому масштабу. Каждый нелюдимовец посчитал своим долгом преумножить историческую славу района. А где она слава-то? Совсем иную стяжали они себе славу в окрестных землях своей глупостью непроходимой, да угрюмой дремучестью вековой. Тащили с утра до ночи, от мала до велика. Перли все – от прабабушкиных разбитых корыт, бабушкиных съеденных молью шалей и дедушкиных подгузников до собственных сгоревших утюгов, акций лопнувших инвестиционных фондов и невыигравших билетов «Спортлото». В здании бывшей конторы обанкротившегося колхоза «Призрак Коммунизма», выделенном под музей, при таких энтузиазме, настойчивости дарителей и всеобщей неразберихе невиданного ранее всеобщего и редкого по накалу эмоционального подъема, быстро не нашлось места не только для новых экспонатов, неиссякаемым потоком продолжавших течь к музею со всех сторон, но и для самих работников музея. Посреди музейного двора мгновенно образовалась куча «редкостей», вскоре переросшая в гору, напоминавшую огромный муравейник или угольный террикон. Где уж тут будешь здоров? В области, понятно, быстро про такое чудо услышали – к Пасхе прислали на инспектирование внушительную культурно-санитарно-пожарную комиссию. Комиссия долго бегала в изумлении вокруг невиданного музейного чуда и плескала, кто чем. Культурная часть комиссии бегала и плескала руками, санитарная бегала и плескала дезинфицирующим с дезинсекционным в придачу раствором, пожарная бегала и плескала противовоспламеняющей смесью. Два дня и две ночи потом бригада тракторов под конвоем пожарной машины и двух санитарных врачей в марлевых повязках без остановки на перекуры перемещала «редкости» по их прямому назначению – на свалку. Посмеяться бы, да все больше грустно от такого.

Вот ведь еще тоже было. Парк «мослогрызы» придумали – нелюдимовские тоже ландшафтной хворью заболели, да обязательно им парк такой нужен был, чтобы с фонтаном в двадцать струй, и бабу с веслом чтобы непременно рядом поставить.

Такая кутерьма из-за этого получилась! Тамошнего умельца по ваятельной части специально от скотников на время отставили, в область на обучение отправили для лучшего усвоения природы женского естества.

Долго строили, с размахом открывали. Областное начальство понаехало, сам товарищ «господин Стущенкин» был. Хотел тамошний голова гостей из области на этот раз настоящим культурным размахом окатить, реабилитироваться, так сказать, за музейные опыты, да окатил водой в двадцать струй. А как с бабы простыню скинули, так и вовсе конфуз вышел – баба та в такой срамной позе стала, каких нелюдимовцам отродясь свои собственные

жены вдали от посторонних глаз не показывали. Весло же у нее в руке, вроде как и не весло вовсе, а подсобный инвентарь для ее срамных выкрутасов. Ну а как на рожу ее глянули, так и обмерли – прямо жена товарища «господина Сгущенкина» смотрит с его предвыборного плаката. Только взгляд немного странный, косящий налево получился. Скульптора того потом, ясное дело, не только жена расспросами о поездке в область донимала. Отбивался как мог, а потом замкнулся в себе и запил отчаянно, да так и не остановился. Пил, да молчал, пил, да молчал. Однажды только, вышел босой ночью шатаясь на площадь, задрал голову к небу и заорал кому-то невидимому что-то совсем уж непонятное, потрясая воздух кулаками. Из всего извергнутого им нелюдимовцы, как ни напрягались, осилили только «быдло плебейское», «душа художника» и «сам ты, падла, батичели!»

«Угрюмым» после такого успокоиться бы, да сидеть тихонечко. Так ведь нет же. В прошлом году докатилась до них от костоглодовских соседей поэтическая лихорадка. Возомнили тогда себя нелюдимовские ни больше ни меньше, родоначальниками бронзового века русской поэзии, повсеместно стали вирши слагать, литературные собрания устраивать, учредили литературно-художественный журнал «Амфибрахий» и даже выдвинули на российскую литературную премию лидера местных кубо-мажинистов Юрика Бивнева, создавшего восторженно встреченный соплеменниками стихотворный цикл «Громковстревоженные Нивы». Литературного подвига в столицах, к немалому удивлению нелюдимовских не оценили и премии, даже самой завалющей не дали. Наоборот, обозвали в столичных изданиях очернителями и опошлителями загадочной души русской, нарекли вандалами от литературы, профанирующими замечательный, веками создававшийся лучшими поэтами страны образ труженика земли российской. На «опошлителей» «угрюмые», конечно, обиделись, про вандалов припомнилось кому-то – в школе учили, что те Древний Рим покорили, а потому, наверное, мужики стоящие были, ну а к «профанирующим» не отнеслись никак по причине внезапно возникших существенных расхождений в толковании этого слова. На том и порешили – надо ждать. Не готовы еще в столицах воспринять новые литературные веяния ввиду серьезной отсталости литературных вкусов первых и революционной художественной новизны последних. Решили и успокоились. До поры.

И вот, кажись, эта пора, определяемая по одному им ведомому календарю, наступила. «Только теперь, - подумал Митя, - от этого не только «угрюмым» веселуха будет».

– Втолкуй мне, Макар Силыч, а то я в толк никак не возьму. Не один год коллектив наш знаю, а что-то проглядел, когда это мы успели певческими талантами да еще в промышленных масштабах разжиться.

– Не ехидничай, Митрий... А сомневаешься, в общем, тоже зря. Кузьма Андреич, напутствуя, сказал, что поскольку дело это хлопотное, ответственное, больших людских ресурсов и времени требует, то нам и карты в руки. Других талантов не будет, а петь придется. Да еще как петь! Чтобы никак не хуже, чем у этих, прости, Господи, кисломордых. – Макар Милыч в сердцах сплюнул на

пол. – Опять же, статус официальный дадут, жалованье назначат. Все же лучше, чем башмачничать на дому. – Не удержался, поддел за живое парня начальник.

«Кисломордые, говоришь. Вот и догадка моя про источник этой напасти сама собой подтвердилась». – Не реагируя на выпад шефа, отметил про себя Митя.

– Мне Кузьма Андреич доверил, Митрий, я тебе скажу, но, чтоб ты никому!

– Могила, Макар Силыч!

– Ишь ты, могила. Будет нам могила, коли что, не переживай. Ну так вот. Хотел по первому делу Кузьма Андреич это дело на профессиональной основе наладить. Отыскал в области «кота ученого» Петрушкина.

– Кого-кого?

– Петрушкин, фамилия у него такая. Консерватории всякие заканчивал, много в музыке смыслит. Согласился этот Петрушкин через приличный аванс, приехал к нам инкогнитой, два дня по городу ходил, прислушивался и приняховался, а на третий день сбежал втихомолку. Записку только и оставил: погорячился, мол, сдуру согласился на безнадежно гиблое дело; нет, мол, у вас никаких певческих талантов и не будет, так что сейте горох и мычите в тряпочку. Записку-то оставил, а аванс не отработанный пригрел в кармане. Ох уж эти городские. Никогда их не поймешь, что у них на уме. Вот теперь и должны мы доказать, Митрий, что наврал все этот Петрушкин-кот. Нет у нас вариантов. Сами должны культуру поднять.

– Ну что же, петь так петь! Нам не впервой пропадать. Глядишь, с таким капельмейстером, или как там тебя теперь кликать, славу и любовь всенародную обретем. – Захохотал Митя. – По сути, голова-то наш прав. Кроме тебя, дядя Макар, такое дело возглавить в нашем районе некому. Так что, будем сообща поднимать культуру! Ну а таланты, что ж таланты... раскроем таланты, вытащим наружу в лучшем виде. Еще сами себе удивимся!

Вечером Митя, почесывая макушку и глядя куда-то в угол, сообщил Наташе, гладившей ему рубашку, последнюю новость. Та от неожиданности, наступила коту на хвост и так стояла некоторое время с утыгом в руке и орущим котом под ногами, в изумлении глядя на мужа.

– И ты что же, согласился, герой? – Не веря в серьезность происходящего, спросила Наташа.

– Как было не согласиться? Все же, какая ни есть, а работа, да и коллектив до последней собаки знаком. Вот ведь и Макар Силыч с нами ... не пропадем мы с ним. А коли пропадем, то с ним веселее и пропадать будет. – Хохотнул Митя. – Не в первый раз тонем вместе.

– Ну да, ну да. – Отойдя от удивления, начала привычно иронизировать Наташа. – Целину Макар Силыч на своих плечах поднял и культуру из могилы поднимет, не голосом, так подъемным краном. – И уже совсем весело закончила. – Дерзайте, Карузы! Ищите славу. Только города своего не забывайте, когда славу свою по миру гордо понесете.

– Ладно тебе, расписала. Может ты и так все наперед знаешь? Так поделись знаниями, всели надежду в робкие души.

– Ребенок ты, Митюша, ну чисто ребенок. Даже обидеться по-взрослому и то не можешь. Все образуется. Все само собой образуется. Будь спокоен.

5

На первую спевку явились все сорок четыре конторца. Пришли в точно назначенное время, как на работу. Хотя, это и была теперь их новая работа, с чем многие пока так и не свыклись, похохатывая про себя при мысли о том, зачем они сегодня собрались. Еще оказалось, что они все вместе и каждый в отдельности сильно скучали друг без друга и только сейчас вдруг это отчетливо осознали. На дворе перед флигелем знакомой уже нам конторы царило невероятное оживление. Собравшиеся обнимались, целовались, трясли друг другу руки, шутили, от чего у случайного прохожего могла создаться твердая уверенность присутствия на ежегодной встрече, например, героев покорения космоса. Чуть поодаль, стараясь быть не особенно заметными, небольшими группами стояли, тихо переговариваясь, родственники, знакомые и просто любопытствующие горожане – весть о создании в их городе на базе некоего сгинувшего учреждения чудо-коллектива быстро разнеслась по городу и вызвала у его жителей к этому начинанию всплеск давно невиданного интереса.

Да, очень кстати хору в дополнение к спаянному коллективу отдали и помещение их старой конторы, так и пустовавшее за ненадобностью после разгона учреждения. На двери кабинета шефа уже красовалась новая блестящая металлическая табличка с надписью: «Художественный руководитель Бубякин М.С.»

К девяти часам все собрались в красном уголке, который теперь носил гордое наименование «хоровая студия». Расселись. Макар Силыч торжественно и важно водрузил свое большое тело за старинный, накрытый кумачом стол. Несмотря на воцарившуюся тишину, по старой номенклатурной привычке, постучал для порядка карандашом по графину.

– Товарищи! Друзья! Коллеги! Спасибо всем, что прониклись важностью момента и согласились поддержать это грандиозное начинание... Нам выпала большая честь... – Смахнул он накатившую от умиления слезу. – Кузьма Андреич... город, район, доверили нам... в общем, я лучше зачитаю.

Он бережно достал из потертого портфеля лист казенной бумаги с гербами, печатями, каскадами мудреных росчерков пера и прочими атрибутами выражения властной воли и начал торжественно зачитывать распоряжение главы района об учреждении камерного хора народной песни.

После слова «камерный» из заднего ряда донесся грохот падающего стула, а затем раздался возмущенный, срывающийся на петушиный крик, вопль вскочившего с места рабочего по обслуживанию и ремонту здания по имени Федор, откликавшегося просто на Федю, фамилию которого никто не помнил, невесть, когда и откуда появившегося в здешних краях и проживающего на земле под девизом: «Деньги чужими не бывают!»

– Какого такого камерного?! Ну, носороги! За что?! Когда за дело – это я еще как-нибудь могу понять, но чтобы вот так невинного запросто взять и на нары кинуть! Даже менты на такое не способны! Короче, не согласен я, веники-вареники! А поскольку добровольно в тюрьму может сесть только полный идиот, то я, как единственный нормальный здесь человек, выхожу из вашей кодлы!

И Федя победно окинул взглядом зал.

– Какая вопиющая безграмотность! – Взяла слово за всех как наиболее образованная из присутствующих, главный бухгалтер Виолетта Арчибальдовна – в далеком прошлом роковая женщина и светская львица, перед которой в ее лучшие годы мог бы преклонить колени сам Александр Керенский, будь он в те времена по какой-нибудь невероятной случайности проездал в здешних местах.

– Молодой человек! – Высокопарно обратилась она к Феде, по внешнему виду, напоминающему изрядно заплесневелый сухарь. – Молодой человек, вам следовало бы знать, что слово «камерный» здесь употреблено совершенно в ином смысловом значении, а не в том, о котором вы изволили подумать. Что же касается упомянутой вами кодлы, склонна полагать, вы оговорились и имели в виду конечно же капеллу.

– Короче, Федор. – Не вытерпел старший учетчик по фамилии Абадей, имевший весьма тщедушный вид, но зато решительный характер, за который, а так же за страсть к публичным выступлениям и всякого рода поучениям, был избран профсоюзным лидером. – Никакой уголовщины здесь нет, просто хор так называется. Положено ему так называться. Камерный – значит для выступлений в небольших помещениях, не на стадионах там всяких, понял?

– Да понял я, понял, Амадей. Остаюсь. – Виногато буркнул Федя. – Хотя, если с бабами, то можно было бы и в камере, веники-вареники.

С этими словами он заржал, окинув игривым взглядом женскую половину собравшихся.

Прояснив для начала творческий статус коллектива, перешли к первому в жизни хора важному делу – разбивке на голоса и определению репертуара.

Поскольку людей даже с зачаточным музыкальным образованием в коллективе не было, и ждать их появления было неоткуда, Макар Силыч, вооружившись сведениями, почерпнутыми из телепередач, журнальных статей и бесед с людьми, которые хоть раз в жизни держали в руках нотную тетрадь и смогли отличить в ней ноту ля от ноты до, мужественно принялся за построение храма вокального искусства.

Разбить хор на голоса оказалось сложнее, чем думалось Макару Силычу в начале. Оказалось, что в таком деле и с таким рабочим материалом простого умения отличить теноровый голос от баритона иногда бывает недостаточно. К ужасу и немалой досаде самих виновников случившегося, довольно быстро и окончательно выяснилось, что в хоре имеются люди, голос которых невозможно классифицировать по причине его полного отсутствия. К счастью, таких «певцов» в коллективе было мало. В их число попали молодые копировщики братья-близнецы Душкины, уже знакомый нам старший учетчик

Абадей, высокая и томная девица с пышными формами - кассир Цветкова и завхоз Комаристый – видный крупный мужчина в расцвете лет с благородным лицом и писклявой, никак не сочетавшейся его с внешностью фамилией. Да Макар Силыч к ним в придачу. Но если последнему петь не полагалось по должности и отсутствие у него голоса никого не озадачило, то вопрос с востребованностью на хоровом поприще остальных, навис над ними, как скала над морским пляжем, вызвав у поющей части коллектива чувство виноватой неловкости за свои способности. По лицам близнецов и завхоза Комаристого было понятно, что это открытие не было столь неожиданным открытием для них самих. Результат же обнаружения певческой несостоятельности старшего учетчика Абадея трагической маской застыл на некоторое время на его изумленном лице по аккомпанемент все усиливающегося протяжного бабьего воя Цветковой.

– Это как же... нет голоса?.. Ведь я же... Да мы на праздники с кумом под хорошую закуску, ух как!.. – задыхался от возмущения старший учетчик.

– О-о-о-о-ой-и-и-и! Чего выдумали-и-и-и-и! Голоса нету-и-и-и-и-и! Зинке петь, а мне – голоса нету-и-и-и-и! – Довольно музыкально выла выведенная из состояния безголосого равновесия Цветкова, как будто оплакивая свои загубленные чужой злой волей большие творческие планы.

– Как это нет голоса?! – Наконец пришел в себя Абадей.

– Да!!! – Финальной фанфарой взвизгнула Цветкова так, что у всех присутствующих пробежал по спинам трусливый холодок.

– Засохни, Амадей! Не засоряй акустику. Сказано – нет, значит, откуда ему взяться, веники-вареники. – Лоротко и веско тенорово резюмировал первым пришедший в себя Федя, страшно зыркнув при этом, на Цветкову. – Ваше дело теперь тихо сидеть и в ладоши хлопать от радости, что не выгнали покуда и позволяют с людьми искусства рядом находиться.

– Да-да-да! – Просияв лицом, шлепнул себя по лбу ладонью Макар Силыч. – Именно хлопать. А почему нет? Как же я сразу не сообразил! Ну-ка посмотрим, посмотрим.

Посмотрели. Послушали. Заулыбались от внезапно нашедшего на всех облегчения. Обнаружили, что близнецы вполне художественно выдают на публику свист в любых тональностях и вариациях. Подумав, нашли применение и своеобразному, берущему за живое, таланту Цветковой. Благо, что русская народная песня богата на такого рода украшения. Усердно поскребли затылок и решили, что завхоз Комаристый тоже в дело сгодится – как же такому коллективу без костюмера-реквизитора, да и просто постояв на сцене воодушевленно открывая рот, он всем своим видом усилит впечатление от любого концертного выступления. Нашли дело и Абадею – все дружно сошлись во мнении, что без собственного конферансье никакой это будет не хоровой коллектив, а так, дворовая самодеятельность. Да и администратор хору нужен. Ему, как прошедшему хорошую профсоюзную школу, обе эти обязанности были вполне по плечу. Нужной закалки оказался человек.

Так, неожиданно, но закономерно, в хоровом коллективе образовалась вполне функциональная непоющая группа, которой в нагрузку к остальным

обязанностям, кроме художественного открывания рта были вменены притопы, прихлопы, пристуки, пришлёпы и прочие заковыристые штуки, в изобилии сопутствующие русской народной песне. Это, конечно, требовало соответствующего репертуара, но что не сделаешь ради общего благоденствия. «Ученый» Митя окрестил, было, эту группу шумовой, внутренне гордясь своей находкой. Однако, острый на язык желчный Федя, тут же недобро гогоча, подхватив на лету идею, «преобразовал» группу в шумовую. Это хоть и звучало обидно для непоющих, но понравилось остальным и потому прижилось сразу без особых возражений.

Решив казавшийся поначалу таким простым, но оказавшийся совсем нелегким вопрос занятости каждого из членов коллектива, все вдруг, ощутили внезапно накатившую огромную усталость после схлынувшего напряжения суматохи первого дня, поэтому, весь его остаток посвятили приведению в порядок изрядно запущенного за время вынужденного безделья помещения конторы.

Вечером, накормив изрядно уставшего за день Митю, Наташа с нетерпением и интересом принялась расспрашивать его о том, как продвигается работа по созданию хора.

– Дурацки себя, конечно, чувствую. Никогда и не помышлял ни о чем таком, а тут – на тебе, пожалуйста. – Начал обстоятельный Митя.

– Да ты не об себе печалься. У нас вся фабрика целый день только о вас и говорила. Иные зубы скалят, да таких мало. А остальные, ведь, не на шутку за вас переживают. У людей даже какой-то спортивный интерес появился – выгорит дело или нет. Вы у нас теперь вроде футбольной команды. Весь город за вас болеет.

– Ну дак что теперь, только об этом и будем говорить?

– Только, да не только. Работа у вас теперь, какая? Правильно, публичная. Для народа делаете, перед народом и ответ держать надо. В конце концов, на народные деньги, пока, существуете. – Серьезно закончила Наташа.

– Да движется дело, движется. – Обиделся Митя. – Что я не понимаю? Все мы понимаем... ну почти все. – Запнулся Митя, вспомнив неугомонного Федю.

Он с увлечением и в лицах рассказал Наташе о первом дне работы обновленного коллектива и поделился частью известных ему творческих планов Макара Силыча на будущее.

6

На следующий день приступили к формированию репертуара. Песни для собственного исполнения выбирали горячо, вдохновенно и с шумом. Спорили сначала, до визга, а потом, сорвав голосовые связки, до хрипоты и кашля.

Женская часть коллектива эмоционально и с чувством, настолько, насколько на это способна женщина в период крайнего душевного подъема, настаивала на том, что их коллективу непременно следует взять на вооружение

как можно больше песен о неразделенной любви и нелегкой женской доле. Даже величественную Виолетту Арчибальдовну не миновали страсти по репертуару. Вздернув кверху интеллигентное лицо, она, стоя в самой гуще спорящих и трясая подбородком, экзальтированно кричала:

– Вы не понимаете! Вы совершенно ничего не понимаете! Вот, когда я была молода... – тут она запнулась, – сам Михаил Кузмин, известный поэт, автор и исполнитель песен и романсов... Да откуда вам знать!

Она в сердцах махнула рукой и опустошенно села на стул.

Мужики азартно выкрикивали названия любимых застольных, да всяких ухарских и залихватских песен. Кто-то вспомнил, что блатная лирика – это тоже народное творчество и, поэтому, ею совсем не следует пренебрегать коллективу, носящему высокое звание народный. Обычно наглая Федина физиономия, в этот раз излучала вдохновение и вполне сгодилась бы для рекламы военной службы по контракту. Закрыв своей впалой грудью всю мужскую часть коллектива, он громче всех давал отпор его женской части.

– Да вы, это, блин, клюшки деревенские! Вы про свои бабьи хотения дома на кухне за бутылкой самогона пойте, сколько влезет, а здесь о серьезном искусстве надо думать, веники-вареники!

Даже внешне неэмоционального Митю, по принципиальным соображениям не желавшего принимать участие в этой словесной перебранке, выдавали лихорадочный блеск в глазах и дергающиеся руки, свидетельствующие о его нервном напряжении.

От накала страстей хоровая студия тряслась и гудела, как кипящий котел, грозя вот-вот взорваться и разлететься на множество мелких творческих осколков.

– Хватит!!! – Вытирая платком, пот с красного, как помидор лица, что есть силы, заорал после всеобщей получасовой перебранки Макар Силыч. – Хватит, артисты с погорелого театра! Вы что, в самом деле, искусство каждый под свой воротник подогнать собираетесь?

При слове «искусство» Макар Силыч благоговейно поднял указательный палец вверх и сам приподнялся на цыпочках.

– Искусство не допускает компромиссов и конъюнктурного соглашательства в угоду чьим-то вульгарным потребностям и неверно сформировавшимся эстетическим вкусам. Оно не терпит небрежного к себе отношения! Оно оплатит тем же! Обязательно оплатит!! Это я вам, как хормейстер говорю, а не какой-то там хореограф.

Конторцы виновато притихли. Почти никто из присутствующих не понял ни слова из произнесенного шефом, но на них невероятным образом подействовала сила пафоса его короткой, но пламенной речи. Конторцам передалось от начальника какое-то большое и светлое чувство, ранее не знакомое им, от которого тоже хотелось подняться на цыпочки, вздернуть к небу перст, как бы взывая в свидетели своего духовного возвышения некие высшие силы, и замереть так навсегда.

Едва ли Макар Силыч смог бы когда-нибудь повторить такую речь, едва ли он смог бы потом вспомнить и передать смысл сказанного им. Но как это было вдохновенно и как это было красиво!

«Я безгранично ваш, шеф». – Прочувствованно произнес про себя скептик Митя, вслух же произнес:

– Предлагайте, Макар Силыч, мы готовы следовать за вами хоть до самого победного конца, хоть до самого печального финала!

– Опять каламбуришь, Митрий. Это хорошо. Значит, есть задор, есть желание. Значит, будем работать, как говорится!

И он достал из своего потрепанного портфеля еще более потрепанную увесистую книгу.

– Вот. Собрание песенного наследия, народного, так сказать, творчества нашей области. Редкое издание... Можно даже сказать, уникальное. На два дня из областной библиотеки выдали. При личном ходатайстве Кузьмы Андреича и по личному распоряжению товарища «господина Сгущенкина».

Он бережно положил книгу на стол и раскрыл ее, осторожно перебирая коричневые от времени страницы.

– «Ты ль печаль моя далекая»... «Собирала лебеду»... «Пашня-пашенка»... «Расстаюсь с тобой, моя сторонка»... «Ехали купцы с Востока»...

Макар Силыч мечтательно перебирал страницы, забыв про все вокруг.

Коллектив с удивлением смотрел на своего шефа, не узнавая его. Еще совсем недавно это был человек, не замеченный в любви к искусству и не заподозренный в стремлении постичь его глубины. Обычный руководитель, каких много. Наверное, хороший руководитель, не без этого. В общем, обычный руководитель обычного учреждения, не имеющего никакого отношения к искусству. И вот теперь...

Никому больше не хотелось кричать, спорить и ругаться. До позднего вечера читали песенник, обсуждали каждую песню, выделяя ее художественные достоинства и недостатки, примеряли каждую к возможностям коллектива и достаточности у него выразительных средств. Кто-то, вдруг, вспомнил, что у него жива прабабка, которая во множестве знает и поет старинные народные песни. Кому-то тоже припомнилось, что слышал он от знакомых людей, будто живет в дальней деревне пожилая отставная учительница, собирательница песенной старины, к которой, ради искусства, совсем не мешало бы наведаться.

Дело закрутилось. В течение всей следующей недели конторцы рыскали по окрестностям, вынюхивали, выпрашивали, выпытывали, записывали. В итоге материала набрали на три года вперед. Еще пару дней придирчиво отбирали из имеющегося то, что пойдет в работу. Остальное бережно отложили до другого раза.

Определившись с репертуаром, с волнением приступили к первой репетиции.

В тот день и час, когда хоровая студия огласилась первыми несмелыми и пока еще нестройными голосовыми аккордами, директор фабрики резиновых изделий Василий Потапыч Латочкин, розовощекий, круглый во всех отношениях пышущий здоровьем мужчина лет пятидесяти, маленького роста, но большого жизнелюбия, за глаза любовно называемый в родном фабричном коллективе Дырочкиным, сидел за своим рабочим столом в своем директорском кабинете и пребывал в самом замечательном расположении духа. Его благодушное настроение совсем не было лишено оснований: за окном стояла великолепная солнечная погода, квартальный план по выпуску резиновой продукции руководимая Латочкиным фабрика успешно выполнила и перевыполнила, внедрены и запущены в массовое производство две новые модели резиноизделий, у внучки Василия Потапыча, Василины, прорезалось сразу два первых зуба, а собственное здоровье говорило своему хозяину, что у него совершенно нет поводов для беспокойства.

Мечтательно улыбаясь, Василий Потапыч любовался видом, открывавшимся из окна его кабинета: отсюда, со взгорка, как на ладони, была видна вся округа – леса, поля и перелески, пасущиеся стада, пыльные деревенские дороги, околицы близлежащих сел, а внизу, под самым окном текла спокойная полноводная Неклюжа.

Мечтания директора прервала секретарша Оленька. Отворив дверь кабинета, и просунув в нее свою хорошенькую белокурую головку, она кокетливо произнесла:

– Василий Потапыч, к вам посетитель. Я ему говорила, что вы заняты и сегодня приема не ведете, но он сидит на диване и не уходит. Настойчивый мужчина.

– Кто он?

– Он не представился.

– Откуда он?

– Не знаю... мне не говорит, но солидный такой, в очках.

– Пусть войдет.

Оленькина головка быстро кивнула и исчезла. Прошло не более пяти секунд. Дверь кабинета отворилась и в нее вошел высокий полный мужчина, которого его полнота совершенно не портила, а наоборот, добавляла общественного веса и делала представительным. Мужчина держал перед собой потрепанный кожаный портфель неопределенного цвета, нервно сжимая его обеими руками. Вошедший заметно волновался, но по выражению его лица было видно, что настроен он решительно и не отступит. Забыв поздороваться, мужчина приятным голосом произнес:

– Комаристый, костюмер-реквизитор.

– Кто-кто? – Озадаченно и с легким испугом уставился на него Латочкин. – Какой реквизитор? Зачем ко мне реквизитор? Не надо у меня ничего реквизировать. Времена, знаете ли, не те!

– Костюмер-реквизитор. – Поправил его вошедший. – Имею честь представлять здесь хоровое искусство, точнее, один из его коллективов... В мои обязанности входит обеспечение коллектива реквизитом... в первую очередь, разумеется, сценическими костюмами.

– Ну конечно, конечно! – Облегченно вздохнул и расплылся в радушной улыбке директор. – Я должен был сразу догадаться. Хор. Макара Силыч. Конечно.

– Да-да, вы совершенно верно все определили. – Смахнул пот со лба костюмер.

– Так что же вас привело ко мне?

– Видите ли... – Смущенно начал Комаристый, уставив глаза в пол. – Камерный хор нашего города, который я здесь представляю, коллектив публичный... так сказать... и должен олицетворять собой искусство не только голосом, но и лицом.

– Пока я что-то не совсем улавливаю сути ваших слов и вашего визита. Сказать по правде, совсем не улавливаю.

Комаристый отрывисто и с силой выдохнул и решительно посмотрел в глаза директору фабрики.

– Извольте. Я намерен говорить предельно конкретно и откровенно. Нам как воздух нужны сценические костюмы. Поэтому я здесь. Мы решительно нуждаемся в том, чтобы вы и ваша фабрика протянули нам руку братской помощи. – Высокопарно, как и подобает по его мнению, представителю искусства, выпалил Комаристый.

– Я, конечно, против искусства ничего против не имею, тем более, Макара Силыч... Мы, знаете ли, с ним давно... ну да ладно! – Директор не договорил и оборвал фразу на середине. – Мы-то чем вам можем помочь? Фартуки резиновые выпишем или вагон калош отгрузим? Извините, но вы обратились крайне неудачно, совершенно не по адресу. Изыскивайте, голубчик, свои возможности.

Василий Потапыч был рачительным хозяином, у которого ни одна копейка не возникала ниоткуда и не исчезала в никуда. О прижимистости директора фабрики резиновых изделий ходило множество легенд. Именно поэтому, поняв, что от него хочет посетитель, он сморщил лицо, как при острой зубной боли.

– Я понимаю... мы все понимаем, но возможностей у нас нет никаких. – Не отступал проситель. – В финансирование нашего коллектива заложены только расходы на оплату труда и содержание помещений. Макара Силыч так и сказал: «Неоткуда нам ждать помощи, кроме как от родной фабрики».

– Ну, знаете ли, – сделал недовольное лицо директор, – если вы таким образом намекаете на финансовую помощь с нашей стороны, то тут вы категорически заблуждаетесь. Наша фабрика, производство хоть и не убыточное, но лишних денег не имеет, и разбрасываться ими вот так запросто

не может. Вам бы следовало обратиться к городскому главе Кузьме Андреичу. Думаю, что раз он вас создал, то, наверное, все предусмотрел. И эту проблему вашего благополучного существования наверняка каким-нибудь образом тоже предусмотрел.

– Да-да! – Оживился Комаристый. – Макар Силыч, напутствуя меня, так и сказал: передай, говорит, директору фабрики, другу моему Василь Потапычу, что, мол, Кузьма Андреич самолично заверил меня – Латочкин не подкачает.

– То есть как это не подкачает?!

– Так и сказал: «не подкачает».

– Кто сказал? – Совсем запутался в мыслях директор.

– Макар Силыч... то есть Кузьма Андреич сказал Макар Силычу, а Макар Силыч, напутствуя меня, сказал, что Кузьма Андреич...

– Хватит! – Плачущим голосом почти закричал Латочкин.

– Так вы нам можете? – Смирненно опуская глаза и прикрываясь портфелем, как щитом, наступал на него костюмер.

– Как?!

Комаристый открыл рот, собираясь что-то сказать, но не успел вымолвить ни слова.

– Молчите! – Закричал директор, вскочив со своего кресла. – Ради всего хорошего, что было в вашей жизни, молчите, прошу вас!

Костюмер-реквизитор закрыл рот и, продолжая держать портфель перед собой, замолчал, остановившись посреди кабинета с виновато опущенной головой и кидая украдкой на директора исподлобья короткие, но цепкие взгляды.

– Хорошо, идите, я постараюсь что-нибудь придумать.

– Это невозможно. – Тупо смотрел в пол костюмер. – Это совершенно не в моей власти. Я не могу покинуть ваш кабинет, оставив наш вопрос в состоянии неопределенности.

– Ну, знаете, это просто нахальство с вашей стороны! Как вы сами только что очень точно заметили, это – мой кабинет, в котором я работаю и сейчас из-за беседы с вами теряю драгоценное время, и это ваш вопрос, до которого мне нет никакого дела!

– Я могу передать эти слова в качестве вашего ответа?

Из груди Латочкина вырвался сдавленный стон, похожий на писк комара и он в изнеможении повалился в свое огромное директорское кресло, уронив лицо в поднятые кверху ладони. Просидев в кресле неподвижно минуты две, он поднял лицо и посмотрел перед собой, словно надеясь увидеть нечто необычное и очень интересное. Перед ним стоял обычный костюмер, совсем неинтересный Латочкину. Василий Потапыч дернулся, как будто, страшивая с себя пелену наваждения, и решительно потянулся к телефонному аппарату.

– Оленька, срочно вызовите ко мне складчицу со склада готовой продукции. И Хрисанфыча сыщи мне. Срочно!

Он положил трубку и указал глазами на телефонный аппарат: вот от него, мол, сейчас зависит ваш и наш вопрос.

Прошло не больше минуты, как в приемной хлопнула дверь, и послышался стук женских каблучков. Еще через две секунды в кабинет директора вошла молодая симпатичная женщина небольшого роста в опрятном рабочем комбинезоне с каштановыми волосами, аккуратно собранными сзади в хвостик. Увидев посетителя, она улыбнулась ему, как давнему знакомому, кивнула в знак приветствия и только потом перевела взгляд на директора.

– Здравствуйте, Василий Потапыч, вызывали?

– Вы что, знакомы? – Подозрительно спросил Латочкин.

– Конечно знакомы. – Добродушно ответила вошедшая. – Это Митин товарищ, они работают вместе.

– Ах, да! – Поморщившись, хлопнул себя по лбу директор. – Конечно.

Дверь кабинета отворилась снова и в нее вошел маленький ничем не примечательный плюгавенький мужичок в старом заношенном костюме серого цвета. Единственной его запоминающейся особенностью было огромное количество самых разнообразных ручек и карандашей, торчащих из нагрудного кармана пиджака.

– Проходи, Никанор Хрисанфыч. Мой заместитель по сбыту. – Указал он на вошедшего Комаристому. – Ну что, так и будете все стоять? Рассаживайтесь поудобнее. Разговор серьезный и важный будет. Знакомься, Хрисанфыч. Хоровая культура к нам пожаловала.

Мужчины коротко, но цепко, посмотрели друг другу в глаза, с достоинством пожали руки и сели к столу. Наташа, не заставив себя долго ждать, к этой секунде уже облюбовала один из стульев и сидела за столом, готовая к разговору.

– Так, значит, и выходит, Хрисанфыч, – начал Латочкин, – что искусство, хоть сфера и возвышенная, а все же, без материальных вливаний обойтись не может.

При словах «материальных вливаний» заместитель по сбыту тут же дернулся и едва заметно, отшатнулся к спинке стула, как будто пораженный ударом невидимой волны, шедшей от Комаристого, сидевшего напротив, и в котором Никанор Хрисанфыч в этот момент неожиданно для себя разглядел затаившегося врага. Карандаши и ручки в кармане его пиджака, встали частоколом, готовые оборонять своего хозяина по первой его команде.

– Какие еще вливания? – Выдавил из себя заместитель. Нет у нас ничего. Не баяны, чай, производим.

– Да ты послушай, не кипятись. – Примирительно начал директор. – Не нужны им баяны. Им костюмы нужны сценические.

– А мы здесь при чем?

– При всем. – Построжел голос директора. – Дело здесь, можно сказать, политическое. Нам это район, сам глава доверил. Кому же, как не нам помочь культуре? Неужто всякие «мослогрызы», да «кисломордые» будут в сценическом образе щеголять, а наши удалцы будут на сцене стоять, будто в магазин за крупной выбежали, да были врасплох застигнуты? Думай сам.

При упоминании соседей, задетый за патриотическую струнку Никанор Хрисанфыч чуть оживился.

– Оно, конечно, разве мы хуже всяких там, прости Господи, угрюмозвероподобных! Но вот где же взять эти резервы для материальных вливаний? Вот какой вопрос! Не припомню, чтобы мы в обозримом прошлом кокошники, да сарафаны с кушаками выпускали.

– Можно мне сказать? – Осторожно и с надеждой произнесла Наташа после напряженного раздумья.

– Говори, Наталья Петровна. – Ласково, по-отечески глядя на Наташу, разрешил директор.

– Есть у меня на складе среди обувки партия неликвида, про которую все давно забыли. Срок годности еще не вышел, сбыта товар не находит, вот и пылится на стеллажах. Вот если бы кому-нибудь продать... только кому продашь?

– Говори конкретнее, Петровна, что за неликвиды такие? Откуда? – нетерпеливо и чуть удивленно произнес директор.

– Да что там говорить, Василий Потапыч! – Безнадежно махнул рукой Никанор Хрисанфыч. – Про иностранное начинание помните? Неужто забыли?

– Как же, забудешь! – Хлопнул себя по лбу Латочкин.

Лет десять назад, когда на просторах страны сразу и повсеместно начал полыхать пожар дикого капитализма, из-за границы на просторы родины, казалось, нескончаемым потоком, хлынули самые разные деловые предложения от иностранных компаний. Область, впервые получившая экономическую самостоятельность и право заключать коммерческие сделки с иностранными партнерами, быстро нашла такого партнера, точнее, он сам нашелся. Итальянская фирма по производству автомобилей. Наскоро подписали контракт о строительстве в областном центре линии по выпуску заморских автомобилей. Получила свой заказ и фабрика – две тысячи комплектов резиновых ковриков для салона автомобиля. Сейчас, по прошествии стольких лет, уже никто и не помнил ни названия фирмы, ни марки автомобилей. Деньги, выделенные на строительство завода, быстро разворовали и проект благополучно накрылся. Сегодня об этой неприятной странице в истории области напоминали только беспризорные железобетонные сваи на пустыре одной из окраин областного центра, да резиновые коврики, пылящиеся на полках склада готовой продукции. Понятное дело, что после скорой кончины проекта, заказ, добросовестно и к сроку выполненный тружениками глубинки, никто выкупать не стал. Пробовали потом его сбыть на сторону, искали желающих, но, как оказалось, конструкция автомобиля была настолько специфическая, что, бросив только беглый взгляд на уродливые по форме, но великолепные по качеству коврики, покупатели быстро остывали и пятились назад.

– Две тысячи? – Сделал удивленное лицо Комаристый.

– Именно. – Скорбно-торжественно подтвердил Латочкин.

– Десять лет? – Не переставал удивляться костюмер.

– Десять лет. – Вздохнула Наташа. – Это еще до меня было. Так и пылятся... Жалость такая.

– И как же вы собираетесь решить проблему сбыта? – Недоверчиво посмотрел на директора Комаристый.

– А это не я собираюсь, это Никанор Хрисанфыч собирается. Да, Хрисанфыч, сделаешь? – Утвердительно спросил он у своего заместителя.

Поняв, что пути для отступления у него нет, Никанор Хрисанфыч после короткого, но глубокого раздумья решительно выдохнул.

– Сделаю. Есть одна мысль. Надо только в области кое-чего пошевелить, кое-кого подключить. Дайте только неделю срока.

– Ну, неделя у тебя есть. Ведь есть? – Посмотрел на Комаристого Латочкин.

– Есть. – Еще не веря до конца в возможность решения проблемы обрадовался костюмер.

– Ну вот и хорошо. – Подытожил разговор директор.

Вечером Наташа прибежала с работы домой радостно-возбужденная. Митя и дети уже были там. Поцеловав каждого по очереди, начиная с младших, Наташа лукаво посмотрела на мужа.

– Ну что, хоровая культура, имеем серьезные проблемы с реквизитом?

– Имеем. – Обиделся Митя на игривый тон жены. – А ты откуда знаешь?

– Знаю. Комаристый ваш к директору приходил.

– И что?

– Ничего, будут вам костюмы.

– Как?

– А вот так. Или ты не рад?

– Рад, рад, еще как рад! Расскажи, Наташ.

– Да нечего пока рассказывать. Надо просто подождать.

– Чего подождать?

– С моря погоды!

– Ну, ждать так ждать. – Чутьочку обескуражено согласился Митя после короткой паузы.

8

Медленно, но поступательно закрутился маховик репетиций. Через три недели неустанного труда к хористам пришло ощущение, что выводимые ими звуки вполне можно назвать песнями. Еще через две недели они стали находить эти песни вполне неплохими и в целом пригодными для ограниченного массового потребления. По прошествии еще четырех недель они признались себе, что находят определенное удовольствие в собственном пении. Все чаще под окнами флигеля стали останавливаться прохожие, чтобы послушать песню. Все чаще темой разговоров горожан становилось обсуждение каких-нибудь новостей, связанных с новой культурной традицией. Потихоньку хоровая песня проникла во все сферы жизни города и без нее уже невозможно было представить существование крохотной точки на большой географической карте. В короткое время, как бы подражая хору, на разные лады запела вся

округа. Пели комбайнеры и трактористы, пели шоферы и кассиры, пели доярки, им, старательно вытягивая губы и увеличивая надои, подпевали коровы. Пели дворники, пели бухгалтеры, пели милиционеры, пели провода на ветру, пели, собираясь в стаи, бродячие собаки. Пели... Это пение удивительным образом до неузнаваемости изменило весь город. Старинный город, почти забытый всеми и, казалось, сам ставший забывать о своем существовании, давно смирившийся с тем, что его лучшие времена миновали давно, безвозвратно и навсегда, стремительно помолодел, похорошел, посветлел и приукрасился. И над всем этим преображением, как быстрокрылая птица, летела разноликая и многоголосая народная песня.

Ровно через неделю после разговора, состоявшегося в кабинете директора Латочкина, на фабрику в обстановке строжайшей секретности пожаловала внушительная делегация нелюдимовцев при двух грузовиках. Стараясь делать выражения своих лиц как можно более праздными и выражающими скуку, не сообщая прямо о цели своего визита, они потолковали немного с заводскими о погоде, о мировых ценах на цитрусовые, высказали беспокойство расширением озоновой дыры над Антарктидой и, как бы промежду прочим, поинтересовались, а нет ли случайно на фабричном складе автомобильных ковриков. Узнав, что на складе имеются те самые коврики к тем самым автомобилям, нервно заулыбались и, не торгуясь (неслыханный для нелюдимовских случаев!) купили всю партию, даже не попросив продемонстрировать образцы.

Тем же вечером, Колька Переборкин после работы забежал по-соседски к Мите с Наташей. Маленький и юркий, как всегда острый на язык, он с шумом уселся за стол.

– Натаха, давай, корми соседа! Жрать хочу так, маманя-Люба, что просто пухну от голода.

– Где же это тебя так уморило, Коля?

– Ты сперва накорми гостя, а потом спрашивай... Счас такое расскажу, попадаете все. – Урча, как кот и уплетая жареную с луком на сливочном масле картошку произнес Колька.

Колька ел долго и с аппетитом. Митя и Наташа все это время сидели напротив и, чтобы не смущать соседа, неторопливо пили чай с баранками.

– Да вы ничё, не переживайте, я уже наелся. – Произнес Колька тщательно, чтобы ничего не осталось, вымакивая хлебным мякишем тарелку.

Закончив полировку тарелки, он гордо продемонстрировал ее хозяйке.

– Во, Натаха, гляди, и мыть не надо! Такого бы тебе мужа, а? Ха-ха-ха! Да ладно, шучу я, шучу! А это чё у вас, бублики?

– Баранки. – Поправил его Митя, всегда испытывавший к раздолбаю Кольке легкое чувство беспочвенной ревности.

– Тоже нормально! Давай, Натаха, насыпай чаю. Будем с баранками его дуть. Или ты думала так легко от соседа отделаться?

– Ничего я не думала. – Наливая чай, деланно равнодушно произнесла Наташа, которую балбес Колька начал утомлять.

– Ну так я чё говорю, – начал Колька, с шумом отпивая из своего стакана, – я чё говорю-то? Сёдни в поездке был, за речкой, в Нелюдимовском. Возили мы в ихнюю «консерваторию» с нашей овощной базы мешкотару. Четыре ходки сделал, передохнуть некогда было. Цельный день за баранкой и не жравши вдобавок. Я уже когда домой приехал, то подумал, а куда им столько мешков? Консервы в них что ли заворачивать? Опять чё-то затевают угрюмые.

– Коль, ты чего рассказать-то хотел? – Как можно тактичнее перебила его Наташа. – Не про мешки же, наверное?

– Чё, надоел вам уже? – Обиделся Колька. – Так я и уйти могу.

– Да нет, что ты, сиди, Коля. – Спыхватилась хозяйка. – Интересно просто.

– А-а-а, ну если интересно, тогда слушайте. Нашла на угрюмых новая болезнь, «ковричная лихорадка» называется.

– Это чего такое? Клопы что ли какие особые у них в коврах завелись? – Простодушно спросил Митя.

– Во-во! – Обрадовался Колька. – Клопы! Только в головах они у кислomorдых завелись!

– Как это? – Совсем растерялся Митя.

Догадываясь о сюжете этой истории, Наташа едва заметно улыбнулась.

– А так! Привез кто-то из тамошнего начальства на днях из области великую тайну, рассказанную ему по большому секрету за рюмкой кофе кем-то из областных воротил. Дескать, грядет в Европах сырьевой каучуковый кризис во всех отраслях, в первую очередь, в автомобильной. Запасов сырья для производства резины у них осталось ровно на три недели. Подметут их и все! Встала тогда вся их хваленая экономика! Куда же им без покрывал, без ковриков, да брызговики? Амба! Это у нас можно без всего этого машины продавать, а они же все цивилизованные. – Колька еле выговорил это слово. – Вот и ищут буржуи потихоньку, как бы пробел восполнить. Только держат они свои поиски, якобы, под большим секретом, боятся конкурентов. Ну и все, маманя-Люба, пошла эпидемия. Чё-то они там нелюдимовцы покумекали, суетнули, и сёдни под конвоем откуда-то две машины резиновых ковриков автомобильных приволокли. Откуда, говорю, ковры-то, маманя-Люба? Молчат, только ухмыляются довольно. Наташа, слышь, не ваш ли это хлам старинный, что итальяшки отказались выкупать? Не, а чё? Наташа, слышь, если все это правдой окажется, так вся Европа у ваших ног валяться будет, резины просить! Во дела!

Наташа промолчала.

– Ладно, побегу я, маманя-Люба, мне еще к Михалычу сбегать надо. Михалыч утром говорил, ему дочка из города фотоаппарат привезла – клацнешь и через минуту фотка готова, сама из аппарата вылазит. Пойду, посмотрю, может брешет. Брешет, а, как думаете?

– Не знаем, Коль, ты заходи к нам завтра, расскажешь, что там, да как.

– Ладно, забегу. Ну, если наврал Михалыч! – Кричал Колька уже где-то во дворе.

Когда Колька ушел, Наташа, убирая со стола и моя посуду, рассказала Мите остальную часть этой истории с ковриками, умолчав из жалости к мужу, про то, откуда и кем был запущен слух про сырьевой кризис.

– Ну что ж, Митенька, вот и деньги на ваши костюмы как бы сами собой нашлись. Осталось только пошить. Да, вот опять проблема назревает.

– Какая проблема? – Уставился на жену обрадовавшийся было Митя.

– Совсем маленькая. Если вам нужны будут настоящие народные костюмы, то и шить их придется у нелюдимовских. Больше нигде так шить не умеют. Везде одна халтура и безвкусица. Вдруг, раньше времени откроется, что кризиса никакого нет и не будет?

– А ты откуда знаешь, что не будет?

– Да откуда ему взяться, сам подумай.

– А-а, ну конечно, откуда. – Глупо наморщив лоб и не понимая уверенности жены, произнес Митя.

– Нехорошо как-то получается. На обман похоже. – Митя почесал затылок. – Вранье все получается и неправда. Вот ты и сама говоришь, что не должен кризис случиться... Если угрюмые сами, по природной глупости в это дело вляпались, то ладно, а если кто к этому руку специально приложил, а мы воспользуемся, то... Нехорошо, Наташка, нехорошо.

– Да ладно, тебе, гуманист. – Обиделась Наташа. – Нехорошо ему. Ты еще колорадского жука пожалей, да за ученых, что на мышах опыты ставят, чувство вины испытай.

– И пожалею! – Заводился Митя. – И испытаю!

– Глупый ты у меня. Как ребенок. – Сглаживая назревающий конфликт, примирительно произнесла Наташа. – Дались тебе эти жуки. Спасай их, если хочешь, только какая и кому от этого польза будет? Пошли, лучше, прогуляемся вдоль речки, воздуха свежего глотнем, пока не стемнело, а то все дома, да на работе. Так и жизнь пройдет.

– Да я про жуков так сказал, сгоряча, зацепила ты меня. Ты иди, Наташ, прогуляйся с детьми, если хочешь. Я почитаю, ладно?

– Ладно, читай, – вздохнула Наташа, – только близко к сердцу не принимай.

– Чего не принимать? – Не понял Митя, уже начавший углубляться в книгу.

– Да ничего, это я так, к слову, читай на здоровье.

Директор фабрики Латочкин сдержал данное им обещание и спустя три недели костюмы были пошиты. Невероятной красоты народные костюмы, расшитые узорами в орнаментах здешних мест, придававших им особый колорит. Шили, конечно же, у нелюдимовских. Кто же еще такую красоту в наше время смастерить сумеет? Чтобы не осложнять раньше времени отношений с соседями, заказ оформляли по линии министерства спорта и

туризма, как подготовку к рекламной акции для завлечения туристов. Поверили.

К декабрю, стараясь не делать лишнего шума и не привлекать раньше времени чужого внимания, в качестве генеральной репетиции перед областным конкурсом хоровых коллективов, в городском доме культуры устроили городской отчетный смотр-концерт. Народу набилось полный зал. Было все районное начальство во главе с Кузьмой Андреичем, представители почитай всех трудовых коллективов, сельская интеллигенция, родственники артистов.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что концерт удался на славу. Зал принял выступление «на ура», долго аплодировали, забросали сцену цветами, непонятно как раздобытыми в этой глуши зимой, грузного Макара Силыча растроганные женщины кинулись качать на руках. Еле отбежался от них. Районное начальство, не разделяясь с народом, тоже осталось довольно. Понравилось все: и репертуар, и исполнение, и костюмы, и слаженный выход хористов на сцену, и бойкий петушистый конферансье. Кузьме Андреичу особенно понравилась надрывная кассир Цветкова. Мнение главы ей поспешили немедленно донести. Реакция Цветковой не заставила себя долго ждать. Тут же, на сцене, принимая поздравления, Цветкова громко, чтобы слышали, кому положено, откомментировала слова Кузьмы Андреича:

– Я-то всегда знала, а со мной как хотели поступить, а? Таланта во мне нет, да?! Все культурные, а я одна некультурная? Вы смотрите у меня! Я теперь знаю, кто у нас в районе лучше других в музыке разбирается. Если что, я не посмотрю...

Цветкову подхватили, закружили, зацеловали, затискали в объятиях и она быстро утратила свой пыл.

Когда первые эмоции от концерта чуть схлынули, на сцену поднялся Кузьма Андреич. Он долго и горячо благодарил коллектив и, в первую очередь, его руководителя, процитировал по памяти кого-то из классиков, выразил уверенность в скором наступлении небывалого всеобщего культурного подъема во всей области благодаря именно этому хору. Да что там области! Берите выше! В этот момент Кузьма Андреич пустил от умиления слезу. Он хотел продолжить свое эмоциональное выступление, но вслед за этим, зал содрогнулся в рыданиях, как бы воочию, представляя себе это великое свершение, зародившееся здесь и сейчас, свидетелями чего, они все сейчас и являются.

Долго не расходились. Никому не хотелось, чтобы этот вечер так быстро закончился. Потом огромной разноликой и разноголосой людской массой вышли на улицу и враз запели на все лады. Маленькими ручейками-струйками песня стала растекаться по городу, постепенно затихая в самых разных отдаленных и близких его уголках.

Этой ночью Федя не сомкнул глаз до утра. Лежа на провалившемся диване в своей жалкой плохо протопленной лачуге и кутаясь в старые одеяла, он глупо, как маленький ребенок, улыбался в потолок. Потом, вдруг, Феде стало нестерпимо жалко себя, он вспомнил свою бестолковую жизнь, вспомнил сестер, старую маманю, которых не видел уже лет двадцать. Его одиночество и

бесприютность, над которыми он раньше посмеивался и которые дурашливо выпячивал наружу в виде несомненного своего достоинства, навалились на него и надавили на сердце, будто пудовые жернова. Федя рванул на себе ворот грязной рубахи, служившей ему зимой вместо пижамы, шумно сглотнул слезу и в холодной темноте, освещаемой лишь одинокой звездой, свет которой едва пробивался сквозь мутное оконце, зазвучала тихая надрывная песня:

*Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать;
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать.*

*Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова!
Ручьями слезы льются,
И стонут деревья...*

На утро Макар Силыч по своему давнему обыкновению пришел на работу задолго до начала рабочего дня. Он любил утреннюю тишину своего кабинета и позволял нарушать ее разве что, только тете Саше, которая, казалось, и не покидала никогда старинного флигеля.

Открыв входную дверь и не зажигая в коридоре света, мурлыча себе под нос что-то легкомысленное, Макар Силыч направился к своему кабинету. Под дверью директорского кабинета кто-то сидел. Хормейстер в утренних сумерках не смог сразу разглядеть лица человека. Подойдя поближе, он увидел, что это был Федя. Тот тихо сидел на стуле во мраке коридора, сложив руки на сомкнутых коленях.

– Ого, Федор, это ты? – Удивился Макар Силыч. – А я иду и думаю, что за привидение такое сидит? Вроде только пригубил вчера для порядка и все. А ты чего здесь в такую рань? Случилось чего?

– Случилось, Макар Силыч.

– Да ну! Ты меня не пугай. Проходи в кабинет, да выкладывай, что к чему.

Они вошли в кабинет художественного руководителя. Макар Силыч протиснулся своим большим животом на начальническое место и жестом указал Феде на стул. Федя остался стоять.

– Отпусти меня, Макар Силыч. – Почти умоляюще произнес Федя.

– Вот тебе на! У нас только все начинается, областной конкурс на носу. Вчера такой успех имели! Тебя, между прочим, лично отметили. Никуда я тебя такого тенористого не отпущу.

– Да мне на недельку-другую! Очень нужно! А не отпустите, так убегу. Вот как перед Богом убегу! – И Федя, поискав по стенам глазами, неумело перекрестился на портрет товарища «господина Сгущенкина», висевший в красном углу.

– Ну на недельку это можно. – Успокоился Макар Силыч и тут же опять посерьезнел. – А все же, что у тебя стряслось Федор?

– Вам скажу. Только вы никому не передавайте, чтоб не засмеяли.

– Говори, Федор, не выдам.

Федя опустил на стул.

– Давным-давно, Макар Силыч, я где-то на одной из пьянок-гулянок совесть свою обронил. Ну, обронил и ляд с ней. Оказалось, что и без нее жить можно... Так и жил. Всяко бывало, но не хочу я об этом сейчас... А вчера после концерта она ко мне, вдруг, вернулась ни с того ни с сего, совесть моя. Сама нашла... И так мне гребостно на душе стало. Руки на себя наложить хотел. Не вру. Маманю свою старую вспомнил, сестренку. На Дону они у меня. Двадцать лет от меня им ни слуху, ни духу. Даже не знаю, как они там, живы ли?... Отпусти меня, Силыч, очень прошу. Повидать мне их надо. Я ведь теперь жить без этого не смогу.

– Оно конечно, Федор, какой разговор. – Растрогался шеф. – Пиши заявление. Две недели предоставим. Билеты или чего там, ты говори, не стесняйся, поможем... О нашем разговоре я, конечно, никому не скажу, только зря ты на людей так думаешь, что смеяться, мол, будут. Над таким разве смеются? Эх ты, горемыка.

– Да это я по своей старой мерке, по привычке. Вы уж извините.

– Да чего там... А совесть к тебе совсем не случайно вернулась. Очищение души ты через музыку, через искусство принял. Вот и выходит, что ты этой ночью будто заново на свет народился. Ну, ладно, Федор, ступай. Я Арчибальдовне скажу, чтобы отпускные тебе к сроку выдала. Вот такие дизеты и бемоли, Федор, да.

– Спасибо. – Коротко поблагодарил Федор и пошел к двери.

– Слышь, Федя, – остановил его у самой двери Макар Силыч, – а насчет твоего голоса я правду сказал. Люди его услышали и оценили. Без души голоса не бывает, в этом я уверен. Теперь и ты к людям прислушивайся. Может в ком родную струну и услышишь. Не век же тебе бобылем скитаться. Может, и детишек твоих я еще понянчить успею.

Дверь за Федей закрылась, а умудренный жизнью руководитель еще долго, просветленно улыбаясь, смотрел на дерматиновый ромбик на ней, в то место, где в последний раз мелькнула Федина спина.

Федя уехал. Репетиции продолжились.

К положенному сроку, в аккурат к Новому году Федя, как и обещал вернулся. Щеголяя шерстяными обновками, связанными ему сестрами, Федя охотно рассказывал, как он добрался до родного хутора, как сестры и маманя сперва не признали его, а потом долго плакали у него на груди и как сам он плакал, обнявшись с ними. Рассказывал, как заново перезнакомился с многочисленной родней, сколько много у него племянников и какие они все «путёвые» и ладные вышли.

– Все никак не могли понять, бестолковые, мою новую должность. Ну, прям как я вначале. – Рассказывал Федя, посадив хористов в круг возле себя. – Как услышали – тенор народного камерного хора, так и затрясли губами,

платочки ко рту понесли. За что ж, говорят, тебя, Феденька родимый, в камеру-то кинули, да еще петь там заставляют? А «кенором» ты, что же там, заместо птицы поешь? Так тебя что, говорят, Феденька родненький, из камеры твоей на побывку за примерное поведение отпустили? Ты уж там старайся, говорят, угождай начальству, глядишь, и совсем отпустят. Вот веники-вареники! Темные они у меня, бабы-то, что с них взять? Один поп наш грамотный. Тот сразу все понял и зауважал. Я, говорит, Федор, в тебя всегда верил. Даже, когда ты на церковной ограде краской слово матерное написал, и тогда верил. Откуда, говорю, отец, ты про слово это знаешь, что я его написал? А он говорит – знаю. Верил в тебя, потому и не сказал никому ничего.

Федя на миг замолчал и, отвернув к окну свое лицо, быстро-быстро заморгал наполнившимися влагой глазами.

– Вот какая штука получается... – Продолжил Федя, придя в себя. – Знал, говорит, и никому не сказал, потому что верил и молился за тебя... В общем, крещение я принял у попа нашего, «сокамерники» мои. Как после такого нехристом ходить? В детстве-то мамка моя побоялась отца послушаться и меня окрестить. Батя-то мой покойный при сельсовете истопником состоял, сознательный был, вот и не разрешил... Вот и Силыч, опять же, говорит, что я заново родился. Как же тогда не окрестить новорожденного, а, православные?

Православные, растроганные Фединой исповедью, молчали.

10

Не останавливаясь на достигнутом, продолжали репетировать, шлифуя репертуар и оттачивая исполнение. На первой же репетиции, состоявшейся после Фединового возвращения в полном составе хора, сразу обратила на себя внимание иная, никому ранее неизвестная интонация и необыкновенная чистота Фединового голоса, которая не могла не завораживать, всех, кто его слышал.

– Феденька, вы чудо! – Вырвалось у чопорной Виолетты Арчибальдовны, когда стихли последние звуки грустной песни о трагедии молодого купеческого сына, получившего в далекой сторонке известие о смерти своей любимой.

– Федор Григорьевич, как же это замечательно! – Сложив у груди ладошки, чувственно простонала дородная кассир Цветкова, с обожанием глядя на растерявшегося от чрезмерного внимания к нему, Федю.

– Да это что? Вот в детстве я был голосистым. Меня даже профессор из Воронежа слушать приезжал, да только я... – Федя сокрушенно махнул рукой, вспомнив что-то неприятное.

– Ничего, Федор, ничего. Того, что было, не воротишь, но и того, что может быть, не следует упускать. Так что все у нас с тобой впереди, парень. – Неожиданно для всех и для себя тоже, как бы намекая на то, что годы в жизни – не всегда главное и решающее обстоятельство, резюмировал Макар Силыч, записывая сорокалетнего Федю в молодое сословие.

Без долгих раздумий вскоре Федю утвердили солистом.

За несколько дней до Нового года, к Феде подошла Цветкова.

– Федор Григорьевич, – чуточку смущаясь произнесла Цветкова, которая очень легко и запросто все в жизни делила на черное и белое, не зная полутонов и не различая оттенков и, оттого, никогда раньше не испытывавшая трудностей в общении с людьми, – скоро Новый год, я вчерась дома ёлку наряжала... так остались игрушки... не нужно ли вам игрушек, Федор Григорьевич? Вы скажите, так я принесу.

– Федор Григорьевич... – Мечтательно протянул Федя. – Меня кроме тебя так никто не называл. А ты откуда знаешь, как меня по батюшке величать, а, красавица?

– А что мне трудно в ведомость зарплатную было заглянуть? Скажете тоже! – Обиделась Цветкова. – Кассир я или кто? Так нужны вам игрушки, или нет? А то я Вальке Кауровой отдам. Она уже спрашивала, между прочим.

Цветкова постаралась придать значение последним своим словам.

– Да у меня и елки нет... и не было никогда, веники-вареники. – Простодушно ответил Федя и сам удивился этому неожиданному открытию.

– Как не было? – Открыла рот Цветкова.

– А так и не было... Для кого?

– Ну я не знаю... положено ведь иметь елку на Новый год. В каждой семье должна быть, иначе какая же это семья?

– Ну вот ты сама все и сказала... кстати, как тебя звать-то по имени?

– Вера.

– Вот ты сама, Верунька, все и сказала – в каждой семье. А у меня она откуда? Никогда и не было.

– Никогда-никогда? – Сделала жалостливое лицо Вера.

– Никогда-никогда.

– А я все равно, принесу. И елку принесу, папане скажу, он срубит. Должна быть елка. – С какой-то злой решимостью произнесла Цветкова.

– Неси, раз должна. – Разрешил Федя.

– А куда нести-то? – Растерялась Цветкова.

– Дак сюда и неси.

– Ладно, принесу.

На следующее утро Цветкова сдержала свое обещание. Сдерживать обещание ей помогали отец – молчаливый, кряжистый бородатый мужик, служивший лесником в здешнем лесничестве, и мать – дебелая вечно охающая тетка с внимательными бегающими, будто ощупывающими глазами. Они шли к флигелю, где размещался хор, спозаранку цепочкой: впереди - счастливая и отчего-то возбужденная Цветкова, держащая в руках картонку с игрушками, следом за ней, тяжело ступая по снегу подшитыми грубой кожей валенками и держа в охапке под рукой разлапистую ель – отец, а за ним, постоянно спотыкаясь и тихо причитая, держась за макушку ели, семеняла мать. Отец Цветковой то и дело оборачивался назад и цыкал на жену, спроваживая ее домой, но та, хватаясь рукавицами за мохнатую макушку, как за спасительную соломинку, тараторила: «Я ж помочь, Егорша, что ты, я ж помочь. Куда ж

такую огромину одному переть», – и в очередной раз споткнувшись и падая в сугроб, отпускала деревце.

К их приходу Федя уже был на работе. В последние дни он часто задерживался после работы и не спешил домой, приходил же из дома, раньше обычного; стал задумчив и много курил в одиночестве. Когда процессия подходила к флигелю, Федя сидел на лавочке у входа и медленно курил.

– Федор Григорьевич! – Обрадовалась Цветкова. – А я иду и думаю, кто это в такой ранний час тут сидит? А я, как и обещала, принесла вот...

Она чуточку смутилась и опустила глаза, замолчав. Подошедшие следом отец и мать встали, как вкопанные напротив Феде и вцепились в него глазами.

– А это папаня с маманей мои, помогать мне вызвались. Что, говорят, нам, доченька, дома-то сидеть? Подсобим тебе малость.

Оторвав взгляд от Федеиногo лица, отец зыркнул на Цветкову и та, осекшись, замолчала. Воткнув ель в сугроб, отец все так же молча, нетерпеливо затопал валенками, закричал и закашлял, бросая на свою жену короткие, но выразительные взгляды. Та, спохватившись, отлепила свои глаза от Феде и зататорила:

– Оно, конечно же, конечно. Что ж нам доченьке единственной трудно помочь?

Отец украдкой ткнул ее локтем в бок и мать замолчала. Так и не произнеся ни слова, лесник повернул обратно, увлекая за собой жену. Та, семена следом за мужем, вполголоса, так, чтобы никто из посторонних не услышал, причитала:

– Святые угодники! Божьи праведники! Страшной-то какой, страшной-то, быдто разбойник! И годков-то, видать немало отмахало ему. Ой, что же это творится на белом свете!

– Цыц, Лукерья, раскудахталась! – Оборвал ее муж. – Сама-то, за кого замуж выходила? То-то, баба. Так что, помалкивай в тряпочку. Другие девки уже по трое детей имеют, а ты Верке все принца ищешь. Заблудился твой принц и волки его съели. Точка. Пусть сама решает. Верка, она не дура. У нее бабье чутье, ух какое! В кого только?..

Всю оставшуюся до дома дорогу мать Цветковой, не проронив ни слова, выразительно охала и вздыхала.

Вечером, собираясь уходить домой, Цветкова, как бы доделывая то, что не успела сделать за день, кружила возле задумчиво сидевшего возле окна студии Феде: то стулья поправит, то бумажку, кем-то оброненную, с пола поднимет, то занавеску на окне распрямит. Когда поправлять и распрямлять уже было ровным счетом нечего, Вера, как бы спохватившись, произнесла:

– Ой, Федор Григорьевич, вы елку-то не забудьте, и игрушки тоже. Закрутилась тут, засобиралась домой, да хорошо, что вспомнила... Может вам пособить чего надо, елку там нарядить или еще чего, так вы говорите, не стесняйтесь, я помогу.

– Спасибо тебе, Вера, да только не надо, сам управлюсь. – Вяло отказался от помощи Федя.

– Ну, как знаете, я же от чистого сердца. – Обиделась Вера.

– Ну, ежели от чистого сердца и не побоишься убогости моего жилища, тогда валяй, помогай.

– Так я завтра и приду, Федор Григорьевич, с утра и прибегу! Завтра ж ведь, суббота!

– Верно, суббота. Запоминай адрес.

– А я и так знаю. – Сказала Цветкова и тут же спохватившись ойкнула.

– Ну, раз знаешь, тогда конечно... приходи... Слышь, Вер, еще чего хотел сказать... Ты бы звала меня просто по имени, а то как-то неловко мне. Какой я Федор Григорьевич?

– Ладно, Федор Григорьевич, буду по имени... так я побежала?

– Беги. – Грустно улыбнулся ей Федя.

– До завтра?!

– До завтра.

Счастливая Верочка понеслась к выходу. Федя неожиданно окликнул ее у самой двери и она, не оборачиваясь, остановилась, в страхе подумав, что Федя передумал.

– Вера, я у тебя спросить хотел по дружбе.

– Спрашивайте... вай, Федя. – Не поворачиваясь замерла Цветкова.

– Меня можно полюбить?

– Да что вы такое говорите, Федор Григорьевич! – Опять назвала его по отчеству оборачиваясь Цветкова. – Да вы знаете, сколько наших женщин мечтали бы...

– А вот ты, например, Вера, могла бы?

– Да если бы вы знали... если бы ты знал, Феденька, родненький, как я... люб... лю. – выдохнула Вера и, чтобы не показывать своих слез, выбежала за дверь.

11

Новый год встретили весело, с размахом. Гуляли на славу, как никогда. Ходили друг к другу в гости, пели песни, катались с горок, лепили снежных баб, ели холодец и строили планы на будущее.

Отгремели новогодние праздники и наступило время областного песенного конкурса.

К обещанной областным воротилой нелюдимовцам дате, сырьевого кризиса в Европе не произошло, так замечательно приобретенные ими резиновые коврики никому не понадобились и, с наступлением Нового года нелюдимовские прибыли на ежегодный областной конкурс чернее черных туч, с твердым намерением компенсировать ущерб от опрометчивой сделки взятием главного приза. Озлобленная решимость угрюмых только усилилась, когда они увидели соседей, облаченных в замечательные костюмы, выполненные проворными руками их, нелюдимовских мастериц-рукодельниц. Сами же нелюдимовские артисты, почему-то решили для себя, что самым лучшим сценическим костюмом для труженика села будет тот костюм, в котором он,

собственно, и трудится. Глядя на своих по-народному красивых конкурентов, собравшихся на конкурс со всех ближних и дальних уголков области, они только сейчас осознали, какую ошибку в очередной раз допустили. Нет, конечно, на их комбинезоны механизаторов и халаты птичниц никто не показывал пальцем, им никто не смеялся в лицо, со стороны представителей других коллективов не было даже намека на неуважение, но уж они-то, нелюдимовцы, старые завистники и первейшие насмешники, знали, как это выделяться в обратную сторону, и как над этим можно потешиться.

Конкурс начался. О том, как он проходил, можно было бы много интересного и захватывающе увлекательного рассказать, но, все же, как ни пытайся, на бумаге невозможно передать всего великолепия музыки и того, необычайного по силе и красоте состояния души, которое царило на конкурсе и присутствовало в каждом из его участников. Да и не об этом вовсе наш рассказ.

Скажем только, что, пройдя все три этапа конкурса и дойдя до его финала, руководимый Макаром Силычем коллектив победил. Важной ли покажется здесь оговорка о том, что победил он во второстепенной номинации «За лучший дебют»? Наверное, нет. Это нисколько не омрачило радости самих артистов. Дебют, так дебют. К тому же, давно ли они сами себя, как артистов, со смехом воспринимали?

Не обошли призом и нелюдимовских. Как ни странно, но переживали они за свой облик напрасно. Жюри не оставило без внимания их костюмы и присудило им специальный приз «За нетрадиционный подход к созданию сценического образа».

Домой возвращались в сумерках на огромном уютном автобусе, специально по этому случаю арендованном Кузьмой Андреевичем в областном центре для артистов. Всю дорогу артисты радостно шумели и поздравляли друг друга с успехом. Сказка, невероятная сказка, в которую им пока еще трудно до конца поверить. Ощущение сказочности произошедшего усиливал густой снегопад, сыпавший за окном автобуса. Каждый из артистов по очереди подходил к Макару Силычу, с довольной усталостью расположившемуся на переднем кресле, и, как мог и, как велела душа, изъяснялся в чувствах любви и благодарности к своему руководителю. Мужчины крепко жали руку и тискали шефу плечо, женщины же, как и во все времена, не могли обойтись без объятий и поцелуев.

Митя, улыбаясь, глядел в окно и думал, как оказалась права его умница Наташа. Все образовалось само собой. Все у них получилось. Не без упорного труда, конечно. Но, ведь тем и радостнее победа! Что радостного в победе дарованной? Победу заслужить надо.

Только Федя и Вера Цветкова не принимали участия в общем веселье. Сидя на заднем сиденье автобуса, Вера склонила свою голову на Федину грудь и спала. Федя, одной рукой обняв ее за плечо, второй осторожно, чтобы не разбудить, перебирал ее волосы и улыбался, как ребенок.

Прокатив бесчисленное количество верст по заснеженной дороге, автобус, оставляя за собой снежные вихри, ворвался на улицы старинного

городка и, будто птица, понесся дальше по ним, а затем растворился в снежной кутерьме.

Оставим городок и его жителей здесь у самой околицы. Им сегодня не до нас. Да вот, собственно и вся моя нехитрая история. Остальное же, домыслите сами, если желание будет.

Нет. Пойдите-ка еще минутку. Что это там виднеется в темноте у дороги, при самом въезде в город? Каменная стелла. Видимо очень старинная. Как это я ее не увидел раньше? Причудливый герб, а под ним что-то написано: «город Хороводы, основан в...» дальше не разглядеть, запорошено снегом. Ну так вы сами и прочтете, когда надумаете посетить эти места. Заодно и узнаете, как там, да что у них сложилось. А для меня, не в службу, спросите – какова судьба резиновых ковриков, купленных нелюдимовскими на Наташиной фабрике. Очень не дают они мне покоя. Ну заодно и привет от меня передайте. Так мол и так, передаем, как просил. От кого, спросят, привет? Скажите, от Петрушкина. А если спросят, кто таков, так и не объясняйте, не нужно. Оно так и лучше окажется, если не вспомнят.

20.11.2002г. - 29.11.2006г., Нерюнгри - Полтавская